

Глава 8

Торговля и покупки

— Ку-ка-ре-ку!

Деревенские петухи, соревнуясь друг с другом, огласили окрестности звонким криком. Солнце ещё не успело подняться; оно лишь робко выглядывало из-за горных вершин, окрашивая небо в нежные алые тона.

Трудолюбивые крестьяне уже давно были на ногах, готовясь к новому рабочему дню. Лишь Чу Цы всё ещё лежал в постели, плотно прижав подушку к ушам. Глаза его были крепко зажмурены, а на лице читалось явное раздражение.

«Проклятые птицы! — раздражённо подумал он. — Каждое утро одно и то же... Настанет день, и я всех вас пущу на суп!»

С тех пор как он оказался в древности и избавился от незавидной доли школьного учителя с её неподъёмным грузом ответственности, Сючай Чу пристрастился к долгому сну. Разумеется, долгим он считался лишь по меркам местных жителей, привыкших вставать с первыми лучами.

Скрип...

Старая дверь приоткрылась, и в щель проскользнула маленькая тень. Чу Юань подошёл к кровати и тихо позвал:

— Дядюшка?

Чу Цы лишь перевернулся на другой бок, продолжая самозабвенно дрейфовать в мире грёз.

— Дядюшка, а дядюшка! Вставайте же! Мы ведь собирались сегодня в город! Вы обещали! — Сяо Юань проявил завидное упорство, решив во что бы то ни стало разбудить соню.

Как бы Чу Цы ни хотелось спать, он понял: отдых окончен. Племянник оказался куда назойливее любого петуха.

— Ах ты, сорванец... покоя от тебя нет, — проворчал дядя, резко садясь в постели. Спутанные длинные волосы каскадом рассыпались по плечам, а нахмуренное лицо не предвещало ничего хорошего.

— Хе-хе, — Сяо Юань ни капли не испугался. Он широко улыбнулся, сверкнув щербинкой на

месте выпавшего зуба. — Главное, что вы проснулись. Я пойду принесу воды для умывания, только вы поскорее, ладно?

И малыш вихрем умчался прочь. Чу Цы лишь обречённо взъерошил пятернёй волосы и нехотя поднялся.

Племянник так усердно подливал воду, то и дело поторапливая дядю, что тот не выдержал. В отместку за прерванный сон мужчина начал одеваться подчёркнуто медленно, выверяя каждое движение. Мальчик, надув губы, сердито запыхтел, став похожим на маленькую разгневанную лягушку.

Глядя на их шутовское противостояние, трое взрослых домочадцев не смогли сдержать смеха. Им казалось, что после перенесённых невзгод Чу Цы наконец-то ожил: угрюмость и вечная печаль сменились лёгкостью и даже некоторой весёлостью. Дети — лучшие судьи: они тоньше чувствуют перемены в сердце, и прежний Сяо Юань вряд ли осмелился бы так проказничать с дядей.

Через несколько минут утренняя ворчливость окончательно улетучилась. Сюцай Чу быстро закончил сборы, надел на плечи бамбуковый короб, взял Чу Юаня за руку, и они вышли на дорогу, ведущую из деревни.

В этот день в городке намечалась большая ярмарка, поэтому путников было много. Люди шли группами, обмениваясь новостями и приветствиями; в деревне царило редкое единодушие. Многие кланялись Чу Цы, но, помня о его статусе, не решались заводить долгих бесед, почитая это за дерзость.

Сяо Юань же шагал рядом, так и сияя от гордости. Среди идущих на ярмарку не было ни одного ребёнка его возраста — он представлял, как по возвращении соседские мальчишки лопнут от зависти.

Путь до города был неблизким, и Чу Цы втайне ожидал, что вскоре племянник начнёт капризничать и проситься на ручки. Однако малыш оказался крепким орешком: когда сам мужчина уже начал тяжело дышать от усталости, ребёнок всё так же бодро крутил головой, с любопытством озираясь по сторонам.

Оказавшись за городскими воротами, Сяо Юань притих. Он прижался к спутнику, а его ладошка сжала руку Чу Цы гораздо крепче, чем раньше.

Сердце Сюцай Чу наполнилось нежностью.

«Видно, ребёнок впервые в городе и просто испугался», — подумал он. Крестьяне часто пугали детей историями о похитителях, которые крадут зазевавшихся малышей, чтобы продать их в рабство, и Чу Юань, похоже, принимал эти сказки близко к сердцу.

— Не бойся, дядя рядом, — он присел и ласково погладил мальчика по голове. — Давай сначала перекусим. Чего бы тебе хотелось?

Мальчик застенчиво улыбнулся, явно смущённый тем, что его страхи заметили.

— Пусть дядюшка сам выберет.

Матушка Чу строго-настрого велела ему во всём слушаться дядю и не выпрашивать сладости.

— Что ж, в первый раз выберу я, но в следующий — чур, за тобой, — не стал настаивать Чу Цы. Небольшая робость при первой встрече с городом — дело обычное, скоро пройдёт.

Для начала он купил два сочных мясных баоцзы за три монеты, а затем привёл племянника к лоточнику, торговавшему доуфунао. Они заказали по порции нежного тофу за две монеты.

Здесь тофу подавали сладким. Сделав первый глоток, Сяо Юань просиял — вкус явно пришёлся ему по душе.

«Наш человек, из любителей сладкого», — отметил про себя Чу Цы.

Сам он не принадлежал ни к лагерю любителей солёного, ни к почитателям сладкого, — размышлял мужчина, — а был сторонником принципа „что дают, то и ем“. Иначе ему было бы ох как непросто привыкнуть к местным кулинарным различиям.

Его приспособляемость была заслугой матери. Каждое лето она отправляла его в южный городок к дедушке, где он проводил по два месяца. Там, в компании многочисленных кузенов, он научился множеству полезных вещей, включая искусство изготовления рогаток.

Позавтракав — а для Чу Юаня эта трапеза была верхом роскоши, — они направились в книжную лавку «Ханьмо». Когда они подошли, помощник как раз снимал со ставен запоры. Увидев Сюцай Чу, он приветливо улыбнулся:

— Сюцай Чу пришёл? Проходите! Лавочник сейчас на заднем дворе, я мигом его позову.

— Благодарю вас, братец.

Вскоре появился Лу Фэн.

— Сюцай Чу, какая точность! Так рано — и уже у нас. Вы не голодны? Может, сходим перекусить?

— Благодарю за доброту, лавочник Лу, но мы уже позавтракали.

Обменявшись любезностями, они перешли к делу. Собеседник наугад открыл одну из повестей и, увидев пять искусных иллюстраций, остался крайне доволен. Он тут же отсчитал причитающиеся деньги.

Когда Лу Фэн предложил взять ещё несколько книг, Чу Цы вежливо отказался.

— Вот как? Сючай Чу, неужели цена вас не устраивает?..

— Вовсе нет, не поймите меня превратно. Просто у меня возникла одна идея, и её успех зависит только от вашего решения.

— Идея? — Лу Фэн заинтересовался. — Что ж, говорите прямо, я внимательно слушаю.

— Видите ли, — начал Чу Цы, — за один день я могу оформить не более двух книг. Это слишком медленно. В долгосрочной перспективе такая нерасторопность лишь навредит вашему делу. У меня есть предложение: я буду рисовать для каждой книги один эталонный образец, а вы наймёте людей, которые будут его копировать. Так дело пойдёт куда быстрее, и лавка только выиграет.

Лавочник задумался, лихорадочно подсчитывая выгоду. Раньше он не мог нанять других художников лишь потому, что им не хватало воображения. Но если Чу Цы даст им готовые шаблоны, он сможет платить копиистам по пять монет за книгу. Расходы те же, зато скорость печати возрастёт в разы. Но как быть с платой за сам шаблон?..

— Лавочник Лу, за этот эталон я не прошу денег сразу. Давайте договоримся так: с каждой проданной книги, оформленной по моему образцу, я буду получать по пять монет. Если книга не продается — я не возьму ни гроша.

Лу Фэн на мгновение опешил. Выходило, что себестоимость оставалась прежней. Но, поразмыслив, он понял, что схема беспроигрышная: выигрывали все.

Конечно, он мог бы просто заставить кого-то перерисовать работы Сючая Чу втихую, но это было бы верхом бесчестия. Слава молодого человека как таланта гремела на весь уезд, а неудача на экзаменах — лишь досадная случайность. Рано или поздно этот дракон взмоет в небеса. Стоит ли портить с ним отношения ради грошовой выгоды?

Предложенный способ не нёс лавке рисков, зато помогал завоевать расположение будущего сановника. Когда Чу Цы добьётся успеха, книжная лавка «Ханьмо» тоже окажется в лучах его славы.

— Сючай Чу, это блестящая мысль! — рассмеялся Лу Фэн. — Поступим именно так. Но

поскольку ваши шаблоны станут опорой нашего дела, я добавлю от себя: за каждый такой образец я буду выплачивать вам дополнительно по пятьдесят монет сразу. Согласны?

— Как скажете, лавочник Лу, — улыбнулся мужчина. Он знал, что тот согласится. Пройдёт время, и ценность этих рисунков будет невозможно измерить никаким золотом.

Лу Фэн быстро составил договор и выдал Чу Цы плату за пять подготовленных шаблонов.

Подписав бумаги, дядя сложил деньги и шесть новых книг в короб. Попрощавшись с обитателями лавки, он вышел на улицу.

Сяо Юань на протяжении всего разговора сидел тише воды, ниже травы, но в глазах его плясали восторженные искорки. Его дядя просто невероятен! За какой-то миг он получил от этого важного господина столько денег! Да ещё и в будущем будет получать!

— Что, племянник, неужто тебя так ослепила моя аура великого властелина? — Чу Цы не удержался от шутки, заметив благоговение на лице мальчика.

Сяо Юань, однако, шутки не оценил.

— Дядюшка, ну зачем вы сравниваете себя с черепахой-ванба? Она ведь такая уродина, а вы гораздо лучше неё!

Чу Цы поперхнулся и лишь развёл руками. Против такой логики не попрёшь.

— Ну, пойдём за покупками.

— Угу!

За припасами нужно было идти в северную часть города, где теснились лавки с провизией.

Первым делом Чу Цы привёл ребёнка в соляную лавку. Соль была государственной монополией, и торговаться здесь было бессмысленно. Фунт стоил тридцать монет, а сама соль на вид была серой и грубой. Но без неё в хозяйстве никак, поэтому мужчина, не скупясь, взял сразу два фунта.

Затем он заглянул в хлебный ряд. Белый рис продавали по шесть монет за фунт, неочищенный — по четыре. Пшеничная мука здесь, на юге, считалась редкостью, поэтому за неё просили семь монет.

Немного подумав, Сюцай Чу купил пять фунтов муки. Рис весить будет много, его легче купить

прямо в деревне через старшего брата Чу Гуана. А вот муки в деревне нет, и он по ней по-настоящему соскучился. Как бы он ни привыкал к южным нравам, в душе он оставался истинным северянином.

Раз уж взял муку, нужно раздобыть и свинины. Та кабанятина, что была дома, уже давно превратилась в жёсткий копчёный окорок — на суп сгодится, а вот для начинки в пельмени — никак.

Мясник, мужчина лет сорока, крепкий и добродушный, ловко отхватил острым ножом полосу жирной грудинки.

— Сорок монет.

Свинина здесь шла по двадцать две монеты за фунт, независимо от части. Кости были дешевле: рёбрышки — по шестнадцать монет, а те, что совсем без мяса — по шесть. Обычные части забирала трактирщица для наваристых бульонов.

Чу Цы принял кусок мяса, перевязанный соломенной бечёвкой, и расплатился. Обернувшись, он едва не столкнулся с кем-то и чуть не выронил драгоценную покупку.

— О, сюцай Чу! И вы здесь? Мясом закупаетесь?

Это был Цинь Чжао, одетый так же, как и в их прошлую встречу. За спиной у него висел холщовый мешок, в котором явно что-то шевелилось.

<http://bllate.org/book/15354/1413817>